

ФИЛОСОФИЯ. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 1(091)

УЧЕНИЕ ГОРГИЯ О НЕБЫТИИ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

© 2014 г.

А.В. Богомолов, С.Н. Кочеров

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

kocherov@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.10.2013

На основании проблемного подхода рассматривается учение Горгия о небытии. Доказывается, что ему присуще как утверждение, что небытие не существует, поскольку его нельзя мыслить, так и понимание небытия как мыслимого нечего. Высказывается предположение, что это противоречие обусловило дальнейшее развитие представлений о небытии в античной философии.

Ключевые слова: небытие, проблемный подход, Горгий, софисты.

В историко-философской традиции давно укоренилось мнение о влиянии софистов на развитие древнегреческой мысли в области гносеологии, диалектики, логики. Однако отнюдь не все аспекты подобного влияния изучены в достаточной степени. На наш взгляд, значимым и, что важно, малоизученным представляется вклад «платных учителей мудрости» в формирование одной из фундаментальных философских проблем – проблемы небытия. В рамках настоящей статьи мы обратимся к анализу взглядов Горгия из Леонтины, которому принадлежит труд «О не-сущем, или о природе».

Но прежде чем обратиться непосредственно к анализу соответствующих фрагментов, относимых историко-философской традицией к учению Горгия, необходимо обозначить ключевые принципы методики, предполагаемой к использованию. Итак, в рамках данной статьи определяющим является проблемный подход. В настоящее время этот подход эффективно используется при анализе некоторых феноменов древнегреческой философии. В частности, М.Н. Вольф, обращаясь к учениям досократиков, отмечает, что его подход «нацелен на реконструкцию собственно досократических проблем, с учетом того, что формулировки проблемы не сохранились, либо ее вообще на данном этапе развития философии не существовало» [1, с. 15]. Несмотря на то что автор говорит о философии досократиков, очевидно, что такое понимание проблемного подхода

может быть использовано в отношении разных историко-философских феноменов. Так, на наш взгляд, можно и даже необходимо говорить о своеобразной специфике использования проблемного подхода при проведении историко-философского исследования, предметом которого становится небытие. Дело в том, что очень часто авторы не акцентируют внимание на необходимости различения выражений «категория "небытие"» и «проблема небытия». Более того, анализ некоторых подобных текстов позволяет предположить, что такое различие и вовсе не предполагается и указанные выражения, по сути, понимаются как синонимы. Между тем их дифференциация представляется необходимой, поскольку отнюдь не всегда обращение к категории «небытие» в тексте подразумевает наличие проблемы, связанной с ней. Особенно остро необходимость фиксации подобного различия просматривается при проведении именно историко-философского исследования, при анализе некоторого текста, принадлежащего конкретному автору. В самом деле, под проблемой понимается вопрос или группа вопросов, относящихся к определенному предмету и не имеющих однозначного решения. В контексте историко-философского исследования, предметом которого является небытие, это означает, что если речь идет именно о проблеме небытия в исходном тексте, то необходимо указать на наличие в нем хотя бы одного вопроса, имеющего непосред-

ственное отношение к предмету данного анализа. Кроме того, если подобные вопросы выявлены, то, соответственно, необходимо определить, наличествуют ли в исследуемом тексте ответы на них. Очевидно, что если в ходе анализа фиксируется наличие и вопросов, формирующих проблему небытия, и ответов на них, то можно говорить также и о решении проблемы небытия. Совокупное наличие проблемы небытия и ее решения мы предлагаем классифицировать как учение о небытии в философии того мыслителя, чей текст был объектом интерпретации. При этом мы полагаем, что если в некотором тексте выявлены лишь вопросы о небытии, то следует говорить о наличии только проблемы, а не учения о небытии в целом.

Таким образом, в рамках настоящей статьи мы обращаемся к учению Горгия с целью определить, наличествует ли в воззрениях софиста из Леонтины учение о небытии. Для достижения этой цели необходимо ответить на следующие вопросы. Во-первых, возможно ли из фрагментов, содержащих упоминания о небытии, извлечь вопросы, позволяющие говорить о наличии проблемы небытия? Во-вторых, если такие вопросы есть, то можно ли говорить о наличии ответов на них?

Важнейшим источником, передающим содержание трактата «О не-сущем, или о природе», является произведение Секста Эмпирика «Против ученых». Именно этот труд Секста и станет в дальнейшем базовым источником эмпирических данных. Необходимо также отметить, что, поскольку в рамках настоящей статьи, в силу ограниченности объема, мы не сможем себе позволить сколько-нибудь подробный анализ первоисточника, то по преимуществу будет использован русскоязычный перевод А.Ф. Лосева. В контексте этого обстоятельства сразу оговоримся, что слово «не-сущее», чаще всего используемое переводчиком, и слово «небытие», которое используется в настоящем исследовании и которое наличествует в его названии, надлежит считать синонимами, если иное не будет оговорено специально. Итак, Секст Эмпирик передает, что структура сочинения Горгия «О не-сущем, или о природе» состоит из трех последовательно расположенных глав. В первой из них софист обосновывает тезис, согласно которому ничего не существует. Во второй он утверждает, что если что-то существует, то оно непостижимо. И в третьей говорится, что если что-то и постижимо, то оно невыразимо [2, с. 279–280]. Эта знаменитая триада Горгия позволяет предположить два вектора редукции потенциально эксплицируемых вопросов, форми-

рующих проблему небытия. Это соответственно вопросы, связанные с существованием и познанием небытия.

Прежде всего надлежит акцентировать внимание на тезисе «ничего не существует». Утверждая это, софист разъяснял: «если что-нибудь существует, то оно есть или сущее, или не-сущее, или сущее и не-сущее [вместе]» [3, с. 73]. Следовательно, по мнению Горгия, в качестве единой и всеобъемлющей реальности может рассматриваться либо сущее, либо не-сущее, либо некий синтез сущего с не-сущим. Поэтому выражение «ничего не существует» подразумевает указание на отсутствие любой из предполагаемых Горгием реальностей вообще. Кроме того, рассматриваемый тезис имеет одну особенность. Здесь можно предположить, что «ничего не существует» означает отрицание только бытия вообще. По принципу бинарной логики, отрицание бытия означало бы утверждение небытия в качестве существующей реальности. В историко-философской литературе этот момент тонко подмечен А.Н. Чанышевым: «Говоря о том, что ничего не существует, Горгий не хотел этим сказать, что существует небытие» [4, с. 212]. Утверждение положения о небытии небытия позволяет предположить, что софист задается вопросом о том, существует ли небытие. Следовательно, в анализируемом тексте имплицитно присутствует по меньшей мере один вопрос, позволяющий фиксировать наличие проблемы небытия в воззрениях Горгия. По этому же принципу, т.е. поскольку Горгий отрицает также совокупное существование бытия и небытия, можно говорить о наличии еще одного вопроса: не существует ли небытие как необходимый элемент тождества бытия и небытия. Очевидно также и то, что мы вправе говорить о решении обоих вопросов, ведь выше уже было отмечено, что небытие не существует, равно, как не существует небытие в его единстве с бытием.

Но, говоря о решении этих вопросов, нельзя игнорировать то обстоятельство, что софист из Леонтины стремится доказать положения о не-существовании небытия. Рассмотрим эти доказательства. Согласно Сексту Эмпирику, Горгий приводил следующее обоснование: «Если не-сущее существует, то нечто должно существовать и не существовать: поскольку оно не мыслится сущим, оно не должно существовать; поскольку же оно есть не-сущее, то в таком случае оно все-таки есть. Однако совершенно нелепо чему-нибудь одновременно быть и не быть. Следовательно, не-сущее не существует» [3, с. 73]. Отсюда следует, что в отрицании небытия со-

фист опирается на специфику суждения о существовании не-сущего. Подобное суждение, по его мнению, утверждает существование того, что мыслится несуществующим. Но поскольку небытие есть то, что оно есть, т.е. небытие, то в известном смысле не-сущее существует. И здесь он видит противоречие, по которому мыслимое не-сущим существует. Наличие этого противоречия и выступает в качестве положения, подтверждающего тезис о небытии небытия. Нужно также отметить, что это не единственное обоснование тезиса о несуществовании небытия. Второе такое доказательство, где софист непосредственно обращается к небытию, звучит следующим образом: «Если не-сущее существует, то не должно существовать сущее, потому что это "сущее" и "не-сущее" противоположны одно другому; и если не-сущему свойственно бытие, то сущему должно быть свойственно небытие. Но, во всяком случае, нельзя признать, что сущее не существует. Следовательно, не должно существовать не-сущее» [3, с. 73]. Это, второе, доказательство небытия небытия, конечно, является наглядной демонстрацией софистического подхода к решению философских вопросов, ибо, как мы знаем, сущее также признается несуществующим. Положение о невозможности существования небытия в единстве с бытием также имеет свою доказательную базу. Здесь Горгий исходит из того, что небытие мыслится несуществующим. Если же бытие существует совместно с небытием, то бытие и небытие тождественны. Соответственно, бытие также не существует. Выходит, что оба элемента предполагаемого тождества не существуют, следовательно, не существует и самого тождества.

В свою очередь, если мы говорим об обращении к небытию и тем более если мы фиксируем наличие проблемы небытия в воззрениях Горгия, то необходимо определить, каков предполагаемый смысл, вкладываемый софистом в это слово. Иными словами, нужно ответить на вопрос о том, что, согласно мнению софиста из Леонтины, есть небытие. Если вопросы о существовании небытия, очевидно, можно отнести к онтологической части учения Горгия о небытии, то вопрос о том, что есть небытие, принадлежит его гносеологической ипостаси.

Наличие определения небытия, имеющего субъектно-предикатную структуру с непосредственным указанием на слова Горгия, не представляется очевидным. Но выше уже было отмечено, что и бытие, и небытие отрицаются с той позиции, согласно которой ни то, ни другое не существует в качестве единственно сущей объективной реальности. Помимо этого, можно

также акцентировать внимание на том указании, что небытие является противоположностью бытия: «"Сущее" и "не-сущее" противоположны одно другому» [3, с. 73]. Исходя из этого, можно было бы апофатически определить, что есть небытие. Но трудность заключается еще и в том, что непосредственное определение бытия также не дано. Однако когда Горгий доказывает свое положение о том, что бытие не существует, он говорит о невозможности наделения бытия рядом признаков. Так, бытие, в частности, не может быть ни вечным, ни преходящим, ни вечным и преходящим одновременно; не может оно быть ни единым, ни многим. И здесь уместно вспомнить, что, согласно распространенному мнению, одним из учителей Горгия был Парменид. Более того, известны предположения, согласно которым отрицание бытия Горгием есть не что иное, как доведенное до крайних выводов учение Парменида о полном, вечном, себе равном бытии [5, с. 63]. Мы не можем уделить должного внимания тезису о диалектике онтологии Парменида в воззрениях Горгия, однако обоснованным представляется, что и в концепции элеата, и в учении леонтийца речь идет не о некотором единичном бытии, но о бытии как таковом. В самом деле, оба мыслителя говорят о бытии как о едином и вечном. И не важно, что Парменид постулирует бытие бытия, а Горгий стремится занять противоположную позицию, ведь это обстоятельство отнюдь не девальвирует тезиса об идентичности предмета рефлексии в обеих онтологиях.

К тому же тот факт, что софист отрицает еще и такие признаки бытия, как множественность и преходящность, вовсе не означает отступления от понимания бытия, предложенного элеатом. Просто Горгий, дабы абсолютизировать положения своей онтологии, отрицает еще множественность и преходящность, которые суть противоположности ключевым признакам бытия в онтологии Парменида. Поэтому мы полагаем, что интенция к деонтологизации именно тех признаков бытия, которые перечисляет Горгий, свидетельствует о его попытке обосновать несуществование бытия как такового. Поскольку же бытие и небытие понимаются леонтийцем как противоположности, то мы можем только констатировать, что речь идет не о единичном несуществовании, но о небытии как таковом. При этом заметим, что в историко-философской литературе также в контексте компаративного анализа онтологий Парменида и Горгия приводятся иные, уточняющие, определения небытия. Так, согласно Т.Ф. Брентано, под небытием Горгий, «подобно Пармениду», понимает «все

то, что не есть бытие неизменное, никогда неуловимое и непостижимое, отличное от чувственного мира, и утверждает, что о нем ничего не возможно знать» [5, с. 63–64]. Однако что подразумевается конкретно под небытием не ясно и, по сути, данное суждение не противоречит той точке зрения, согласно которой в сочинении Горгия речь идет именно о небытии как таковом. Разумеется, сам вопрос о том, что есть небытие, надлежит включить в структуру одноименной проблемы.

Еще одним пунктом в структуре проблемы небытия является вопрос о том, мыслимо ли небытие. Вновь ориентируясь на триаду, постулируемую леонтийцем, можно, казалось бы, констатировать очевидность ответа. Положению о невозможности мыслить небытие здесь дается свое обоснование, но предлагаемая доказательная база имеет свою специфику. Горгий утверждает: «Если предметы мысли есть сущее, то не-сущее не должно быть предметом мысли, поскольку противоположному свойственно противоположное, а не-сущее противоположно сущему. И поэтому если сущему свойственно быть мыслимым, то во всех отношениях не-сущему свойственно не быть мыслимым» [3, с. 76]. Но тут же софистом признается, что «это нелепо: Сцилла, Химера и многое из не-сущего мыслится» [3, с. 76]. Следовательно, можно говорить, что имеется некое противоречие: с одной стороны, говорится о невозможности мыслить небытие, а с другой – это же положение признается «нелепым». Разумеется, наличие какого бы то ни было противоречия во взглядах софиста не представляется чем-то исключительным, и в этой связи, возможно, не следовало бы акцентировать на нем внимание. Но этот когнитивный диссонанс представляется последовательным и, быть может, вовсе не случайным. Выше, когда рассматривалось одно из доказательств положения о несуществовании небытия, было показано, что софист апеллирует к специфике суждения о бытии небытия. Якобы, если признать это суждение истинным, то неизбежно возникает парадокс, согласно которому мыслимое несуществующим существует. Но здесь, по сути, признается, что пусть небытие мыслится несуществующим, но оно мыслится. Теперь же мы видим указание на то, что многое из того, что не существует, мыслимо. Правда, если в первом случае говорится о небытии как таковом, то далее приводятся конкретные примеры: Сцилла и Химера. Впрочем, здесь как раз нет противоречия: если мыслится небытие вообще, то мыслимы и конкретные модусы несуществования. Рассмотренные положения по во-

просу о мыслимости небытия в воззрениях Горгия позволяют предположить, что, несмотря на наличие в триаде положения о немислимости небытия, в софистической паутине наличествует важная мысль о том, что небытие мыслимо. И более того, показана парадоксальность запрета на возможность мыслить небытие.

Завершая анализ проблемы небытия в учении Горгия, нужно обратить внимание и на последний пункт триады, где говорится о невозможности выражения чего бы то ни было в слове. Здесь нужно отметить, что, пересказывая это положение, Секст Эмпирик передает лишь доказательство невозможности выражения бытия. Но поскольку ведущая интенция такова, что Горгий стремится к отрицанию и бытия, и небытия, то, вероятно, надлежит включить в структуру рассматриваемой проблемы и вопрос о том, выразимо ли небытие в слове. Упомянутое доказательство, касающееся невозможности выразить бытие в слове заключается в следующем. Горгий исходит из того, что бытие является чем-то внешним сознанию субъекта. Внешнее познается при помощи органов чувств, но «слово... не есть ни субстрат, ни сущее. Значит, мы объявляем своим ближним не сущее, но слово, которое от субстрата отлично» [3, с. 76]. Иными словами, речь идет о невозможности адекватного отображения чего-то внешнего сознанию в слове. Разумеется, внешним могло бы быть и небытие, если бы оно признавалось существующим.

Таким образом, мы предполагаем наличие проблемы небытия в воззрениях Горгия. Вопросы, формирующие данную проблему можно классифицировать по двум основаниям – онтологическому и гносеологическому. К первой группе относятся вопросы о том, существует ли небытие как таковое, а также вопрос о существовании небытия в тождестве с бытием. Первый вопрос второй группы касается того, что есть небытие. Сюда же надлежит отнести вопросы о мыслимости небытия и о возможности выражения его в слове. Поскольку, как было показано, на все эти вопросы дается отрицательный ответ, имеющий свою доказательную базу, то мы, исходя из обозначенных в начале оснований, можем говорить о наличии учения о небытии в воззрениях Горгия.

В завершение хотелось бы отметить важность выявленного противоречия в вопросе о мыслимости небытия. Наличие в учении Горгия оснований для понимания небытия как мыслимого нечто стало определенным новшеством, привнесенным софистом в развитие представлений о небытии в истории древнегреческой

мысли. Но если по отношению, допустим, к учению элеатов, отрицающих мыслимость небытия, правомерно говорить о некоем новшестве, то, например, концепция атомистов уже предполагала нечто подобное. В самом деле, если Демокрит постулировал бытие небытия, то, в определенном отношении, он мыслил не-сущее и не накладывал на мышление никакого табу. Здесь, действительно, можно говорить о принципиальном различии. Для Демокрита небытие является предметом мысли постольку, поскольку оно, согласно его воззрениям, является существующим объективно. Горгий же сообщает о возможности мыслить не-сущее отрицая существование небытия как такового. Эта мысль Горгия получила дальнейшее развитие, главным образом, в учении Аристотеля. А до этого, быть может, оказала определенное влияние на представления Платона [6, с. 65]. Впрочем, развитие учения Горгия о небытии в исто-

рии древнегреческой мысли еще только надлежит исследовать.

Список литературы

1. Вольф М.Н. Становление эпистемического поиска в раннегреческой философии: Гераклит и Парменид: Автореферат дис. ... д-ра филос. наук. Новосибирск: НГУ, 2011. 38 с.
2. Diels H. Die Fragmente Der Vorsokratiker. Berlin-Neukölln, Weidmannsche Verlagsbuchhandlung, Bd. II., 1959. 428 s.
3. Секст Эмпирик. Сочинения в 2-х тт. М.: Мысль, 1975. Т. 1. 399 с.
4. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии. М.: Высшая школа, 1981. 374 с.
5. Brentano T.F. Древние и современные софисты. СПб.: Синодальная типография, 1886. 255 с.
6. Бродский И.Н. Категория небытия в древнегреческой философии // Вестник Ленинградского университета. 1959. № 11. Серия экономики, философии и права. Вып. 2. С. 61–68.

GORGIAS TEACHINGS ABOUT NONEXISTENCE: ONTOLOGICAL AND GNOSIOLOGICAL ASPECTS

A.V. Bogomolov, S.N. Kocherov

The article is devoted to the examination on the basis of the problem approach of Gorgias teachings about nonexistence. It is proved that, as Gorgias states inherently, nonexistence does not exist, because it is impossible to think of, and that Gorgias understands nonexistence as something conceivable. A proposed supposition is that this contradiction stipulated further development of the notions of nonexistence in ancient philosophy.

Keywords: nonexistence, problem approach, Gorgias, sophists.

References

1. Volf M.N. Stanovlenie epistemicheskogo poiska v rannegrecheskoi filosofii: Geraklit i Par-menid: Avtoreferat dis. ... d-ra filoz. nauk. Novosibirsk: NGU, 2011. 38 s.
2. Diels H. Die Fragmente Der Vorsokratiker. Berlin-Neukölln, Weidmannsche Verlagsbuchhandlung, Bd. II., 1959. 428 s.
3. Sekst Empirik. Sochineniya v 2-h tt. M.: Mysl', 1975. T. 1. 399 s.
4. Chanyshv A.N. Kurs lektsii po drevnei filosofii. M.: Vysshaya shkola, 1981. 374 s.
5. Brentano T.F. Drevnie i sovremennyye sofisty. SPb.: Sinodal'naya tipografiya, 1886. 255 s.
6. Brodskii I.N. Kategoriya nebytiya v drevnegrecheskoi filosofii // Vestnik Leningradskogo universiteta. 1959. № 11. Seriya ekonomiki, filosofii i prava. Vyp. 2. S. 61–68.